

Научная жизнь**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РУТИНЫ*****Э.И. Колчинский****Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН****А.В. Лубский****Южный федеральный университет****Н.А. Мининков****Южный федеральный университет****Л.В. Рябова****Южно-российский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы****В.А. Шкуратов****Южный федеральный университет*

Аннотация: В статье анализируются основные позиции участников третьего заседания совместного теоретического семинара Южного федерального университета и Института научной информации по общественным наукам РАН «Русская мысль и политика», состоявшегося 27 апреля 2016 г.

Ключевые слова: научная жизнь, научный семинар, историческая психология, концептуальная рутина.

27 апреля 2016 г. в ЮФУ состоялось третье заседание постоянного теоретического семинара Южного федерального университета и Института научной информации по общественным наукам РАН «Русская мысль и политика». На нем обсуждались свежие публикации сотрудников ЮФУ.

Доктор философских наук, профессор **В.А. Шкуратов** рассказал о третьем издании первой части книги «Историческая психология» под названием «Введение в историческую психологию». Сначала она была опубликована в 1994 г. издательством «Город N» (г. Ростов-на-Дону), второй раз (в расширенном варианте) издана в 1997 г. московским издательством

«Смысл». Третье — еще более расширенное издание вышло в 2015 г. в московском издательстве «Кредо». Владимир Александрович рассказал, зачем переиздается «Историческая психология», а затем кратко представил содержание книги.

Первые два издания вышли при поддержке грантов фонда Сороса (Института «Открытое общество»). В те годы в России был бум на такого рода литературу, историческая психология была в моде, книгу читали, курсы исторической психологии вводились на психологических, исторических и других факультетах. Моя книга служила учебником для этих курсов.

Теперь положение другое. Появились новые поветрия, историческая психология вышла из моды, её курсы кое-где читают, но я уже не читаю. Не лучше ли было потратить время жизни на то, чтобы написать другую книгу или статью в какой-нибудь научный вестник Папуа-Новой Гвинеи или Парагвая, чтобы и брэнд родного ЮФУ продвинуть и себе баллы для рейтинга заработать? — поставил вопрос профессор Шкуратов. Именно из-за указанных обстоятельств он решился на переиздание книги.

Тот постперестроечный бум 1990-х, которому книга обязана успехом, не был творческим и продуктивным для научных открытий и развития теории. Он вышел репродуктивным и адаптивным. То была полоса издания и прочтения непрочитанных в советские годы книг. Происходил переход отечественного общественно-гуманитарного знания с марксистских рельсов на немарксистские, для большинства академической массы вынужденный.

Поэтому имело место массовое переодевание. Как сказал Герцен применительно к другой, но весьма похожей эпохе, кто не успел переодеться, того глубоко презирали. Формационная доктрина переписывалась в цивилизационную, с университетских кафедр зазвучали слова «культура», «духовность», «нарративы», «бессознательное» и, конечно, «ментальность». Общественное сознание, классовую психологию, общественно-психологический климат трудовых коллективов стали вычеркивать и заменять ментальностью эпох, групп, социальных слоёв, этносов, организаций.

Моя книга воспринималась тогда как компендиум полезных иностранных слов и выражений. Собственные мысли и слова автора мало кого интересовали, а вот импортная терминология и экскурсы в западные теории заимствовались охотно, бывало, даже и без ссылок. Читаешь чьё-нибудь творение и вдруг охватывает дежа вю. Почему мне это так знакомо? А, так это же я написал.

Эпоха сменилась. Вторичный, инерционный бум прошёл. Но и западные ресурсы, на которых работала российская гуманитарная перестройка, давно истощились. Во всяком случае, в исторической психологии. Это — лейтмотив моей книги. Научное развитие в России и на Западе происходило и до сих пор происходит в разных ритмах. Продуктивное время для западной исторической психологии — это 1960–70-е гг. Когда наша перестроечная и постперестроечная мысль усваивала его плоды, пора цветения и плодоношения там уже закончилась, наступал закат. Приведу показательный случай. В 1989 г. в Москве, в Институте всеобщей истории АН СССР, состоялось выездное заседание редакции французского журнала «Анналы» по случаю годовщины основания этого периодического издания. Наша гуманитарная интеллигенция внимала последнему слову западной мысли — истории ментальностей. А слово-то было последним в другом, печальном смысле. Для французов конференция оказалась бенефисом на выезде. Как раз в 1989 г. обозначился явный кризис среди последователей Л. Февра и М. Блока, он развивался быстро, и скоро процветающее направление науки у себя на родине теряет позиции, уступает место конкурентам — дискурсивной антропологии Фуко и другим постструктуралистам и постмодернистам. Направления исторической психологии, о которых я рассказываю в книге — это наука XX в., вчерашний день. Какова наука XXI в. и есть ли в ней место исторической психологии? Пока без ответа, но ведь кое-что зависит и от усилий конкретных людей.

Теперь обращаюсь к некоторым экивокам, заложенным в первых изданиях монографии. Когда я стал выпускать книги со словами «Историческая психология» в заглавии, в самом названии имелась определённая двусмысленность и хитрость. Потому что читатель должен был воспринимать историческую психологию как более или менее консолидированную область с исследовательскими направлениями. На деле такой консолидированной области не было. Западные авторы, которых я стал читать с конца 1960-х гг., именовали так себя и парочку близких коллег. Я же объединял всех под одной обложкой и одним названием. На обложке второго издания написано, что это первое в мире учебное пособие, посвящённое историческому развитию психологии человека. Насчёт учебного пособия и исторического развития психологии человека умолчу, а вот то, что впервые все главные направления психолого-исторической мысли собрались вместе, это действительно так. Таков результат двадцатилетнего чтения. По какому основанию соединены разные гуманитарные подходы? По стремлению и некоторым практическим попыткам синтезировать научные аппараты исторической и психологической наук Нового времени. Историческая психология занимает относительно узкую полосу в спектре переходов между историей и психологией, этими громадными областями знания и культуры. Наше словосочетание обозначает преимущественно отношения двух наук Нового времени, истории и психологии. Но мне пришлось обратиться и к далёким истокам этих отношений.

Книга начинается определением исторической психологии и анализом её положения в системе научного знания. Обсуждаются попытки поздней советской психологии ввести в свой круг дисциплину, изучающую историогенез психики. Это были сугубо априорные, умозрительные упражнения в научной систематике. Б.Г. Ананьеву, Б.Н. Ломову, К.К. Платонову историческая психология представлялась незаполненной клеткой в схемах субординаций чрезвычайно расширившегося пространства наук о психике, которую надо заполнить. Историческая психология их определений существует в пространстве дисциплинарного упорядочения и науковедческих классификаций, но не в пространстве реального исследования. Она также несет на себе идеологический долг — эмпиризации принципа историзма, но именно это оказывается наиболее затруднительным и входит в противоречие с устоявшимся в XX в. психологическим методом. Советская психология так и не усвоила принцип историзма, который на словах брала в качестве методологической догмы. В результате софистических приемов он был смешан с принципом развития, более подходящим для эмпирической работы.

В книге приводятся пять бытующих трактовок исторической психологии: 1) все социогуманитарные исследования на стыке психологии с историческими науками; 2) изучение человека в составе исторических (история культуры) и психологических (психология развития) дисциплин; 3) одна из дисциплин современной психологии; 4) гуманитарная альтернатива всей современной психологии, основанной на экспериментально-тестовых стандартизированных процедурах; 5) историческая критика современной сциентистской психологии. Я привожу ещё одно определение указанной области исследований, которое для меня обозначает её идеальный горизонт: психология как зрелое знание представляет собой историческую психологию (в самом широком смысле), т. е. состоит из психологии прошлого, психологии настоящего и психологии будущего. Понятно, что такая наука должна быть темпоралистикой и строиться вокруг категории времени.

В третьем издании «Исторической психологии» свод представлений и учений о времени значительно расширен и представляет собой введение в основные главы тома. Структура книги и основные сведения о генезисе, направлениях исторической психологии с конца XVIII до конца XX вв. сохранены, но появились новые разделы о критической психологии, литературно-исторической герменевтике, истории ментальностей, культурно-исторической теории Л.С. Выготского, метаистории Х. Уайта. Завершается книга науковедческим и эписте-

мологическим разделом, в котором, помимо известной читателям предыдущих изданий модели наррадигмы, появляются очередные концептуальные инновации: психеистика, конструирование, антропоузуз, а также набросок генеалогии души.

В заключение В.А. Шкуратов сказал: «Я готовлю переход ко второй книге «Исторической психологии», которая написана как очерк ментальности исторических эпох вместе с анализом телесности, языка, речи, образа, памяти, мышления, идентичности и сознания на основе авторской концепции антропокультуры и модифицированной фукеанской схемы знания-власти. Не исключено, что этот материал придётся разделить на два тома».

После ответа В.А. Шкуратова на вопросы доктор политических и философских наук, профессор В.П. Макаренко рассказал о содержании статьи «Философская жизнь и концептуальная рутина», опубликованной в журнале «Вопросы философии» [см.: Макаренко 2016].

Обсуждение начал доктор исторических наук, профессор ЮФУ **Н.А. Мининков**. Он сказал: «С исследованиями В.А. Шкуратова я знаком еще со времени первого издания его книги в 1994 г., когда выход ее в свет стал заметным явлением в интеллектуальной жизни российского общества, и она была высоко оценена профессиональным сообществом историков. Для историографической ситуации последнего времени новое издание труда представляет особый интерес, когда для историков все более заметным становится стремление к историко-психологическому истолкованию исследовавшихся им процессов. Вместе с тем случается так, что за историко-психологическое истолкование феноменов культуры прошлого принимается то, что не содержит в себе такого истолкования. Так, например, за стремление Н.М. Карамзина к психологизму выдается его высказывание о согласии „россиян“ терпеть опричный террор, поскольку в повиновении они видели условие сохранения государства. На самом деле это отражает психологию не людей опричнины Ивана Грозного, но самого историографа. Или когда в одном из последних пособий для учителей средней школы указывается на то, что психологическим мотивом движения в Сибирь русских землепроходцев XVII в. была забота о распространении «русской православной цивилизации» на север и восток. На самом же деле эта идея была характерна не для землепроходцев, а для авторов данного пособия. Историк должен представлять себе всю сложность психологического истолкования культуры прошлых эпох, в том числе исторической психологии. Что касается исторической психологии будущего, то не убежден, что она может стать нормативной научной дисциплиной».

Статья В.П. Макаренко интересна, поскольку она является незаурядным и глубоким выражением одной из заметных тенденций интеллектуальной жизни нашего времени. По аналогии с положением Х. Ортеги-и-Гассета о *восстании масс* эту тенденцию иногда называют *восстанием элит* — профессионалов самого высокого уровня против деградации науки, образовательного процесса, культуры в целом и торжествующего непрофессионализма. Один из выходов из такого положения В.П. Макаренко видит в преодолении рутины, сложившихся устоев и традиций, которые стали играть тормозящую роль для культуры наших дней. В наибольшей степени рутиной являются архаичные основы общественно-политического строя нынешней России, все более приобретающие черты абсолютной монархии при наличии неограниченной верховной власти и при отсутствии перспектив мирной смены этой системы. При всем согласии с этим положением следует иметь в виду, что сама культура имеет консервативную базу. В конечном счете, вся культура основана на той же самой рутине. Видимо, не все стороны культурной рутины заслуживают отказа от них современного общества. В то же время диалектика развития культуры и общественной мысли состоит в том, что всякая новая мысль при определенных условиях сама способна стать рутиной, в том числе и мысль о преодолении рутины».

Доктор философских наук, профессор ЮФУ *А.В. Лубский* сообщил, что статья В.П. Макаренко «Философская жизнь и концептуальная рутина» — это размышление о философии, философах и философствовании. Как В.П. Макаренко понимает философию? В нашей литературе сложилось двоякое понимание сущности философии. Одно из них восходит к представлениям о философии как особой науке, предметом которой выступает действительность с точки зрения ее всеобщности. Цель такой философии — конструирование гранд-теорий, моделирующих эту действительность. Другое понимание связано с интерпретацией философии как «мысли ради мысли», в котором сущность философии усматривается не в «предмете», а в специфике мышления, проявляющегося прежде всего в форме личностного отношения к действительности, трансформирующего ее в проблему.

В.П. Макаренко является сторонником концептивизма как философской деятельности, связанной со смыслопорождением и организацией смысловых событий. В рамках такой философской деятельности для обозначения мыслительных процедур он предлагает метафору «под прицелом», имея в виду собственное отношение к социальной и когнитивной реальности.

В статье в центре рефлексивного внимания находится проблема свободы мысли от концептуальной рутины в философской жизни в контексте личного опыта научно-педагогической деятельности автора. Философу В.П. Макаренко нравится позиционировать себя как «шпиона на службе идей», стремящегося не попасть в плен действительности, постоянно проблематизируя ее в контексте «монтажа идей».

Что такое философская жизнь? Для рабочего определения философской жизни можно использовать термин рутина. Рутинa — это то, что обычно (по привычке) думают, говорят, делают. Концептуальная рутина — это множество устоявшихся и отстоявшихся (анонимных и безрефлексивных) мнений. Она пронизывает все сферы философии и образует главный предмет, по поводу которого общаются философы.

Возможна ли свобода мысли от концептуальной рутины? В.П. Макаренко — русский философ. И хотя он утверждает, что для него значимы идеи Д.Б. Рассела, связанные с отбрасыванием теорий архетипов и опорой на историю идей, для его философской деятельности все же присущи и архетипические начала. Он пишет, что со студенческой скамьи его интересовала проблема свободы мысли от рутины. В.П. Макаренко как всякий русский человек архетипически воспринимает свободу исключительно как негативную свободу, т.е. «свободу от...». Свобода в русском сознании носит негативный характер и обязательно должна быть направлена против чего-то. Для такого восприятия свободы необходимо присутствие какого-либо ограничивающего фактора. Таким фактором, ограничивающим свободу мысли, в построениях В.П. Макаренко выступают философские авторитеты, философские веры и концептуальная рутина как множество устоявшихся философских мнений.

Духовной основой свободы у русского человека является приверженность критицизму, стремление к социальной правде и, в гораздо меньшей мере, реализму. Поэтому В.П. Макаренко утверждает, что философская истина не существует в отрыве от лично пережитых ситуаций. Свобода мысли как «свобода для...» — это и есть реализация собственно философии как таковой, выступающей в форме личностного отношения к действительности, трансформирующего ее в проблему.

В.П. Макаренко отмечает, что в философской жизни существует разрыв между истинной философией (авторитетной философией) и философией как своеобразной прихожей (в которой ближе всего ко «входу в философию» находятся те, кто повествует о том, что говорили настоящие философы, а дальше всех — студент). Суждения истинных философов выступают в виде множества точек зрения или аргументов (а не истины), которым всегда можно противопоставить наши или чужие взгляды и аргументы.

Заглянув в философский «прицел» В.П. Макаренко, можно увидеть, что общего у настоящих философов и философов-обывателей и чем они различаются между собой. И те, и другие любят «ругаться миру». Но обыватели это делают от безысходности, а философы — «пребывая в подвиге» добровольного юродства, обнажая свое духовное превосходство. Обыватели особенно любят «ругаться миру», находясь в приемной «мелкого» начальника, в которой полно народа. Философы это делают, ожидая аудиенцию у Бога. И те, и другие чего-то ждут, первые находясь в «преддверии», а вторые — в «пред-верии».

В контексте возможных деконструкций текста статьи В.П. Макаренко, предлагаю коллегам высказать суждения по поводу затрагиваемых в ней сюжетов, связанных с философской жизнью.

Доктор философских наук, профессор *Л.В. Рябова* сказала: «С интересом и удовольствием прочитала статью. Она о вечном. О специфике философского знания, о его архаичности и новизне, о банальном и оригинальном в философии, о личности философа, о его образе мыслей и его образе жизни. Эта тема существует в философии с самого начала и по сей день. Она обсуждается в философской литературе самого разного уровня и предназначения: от учебников до фундаментальных трактатов. Но всегда присутствие этой темы указывает на то, что мы имеем дело с философским текстом, обращает внимание на преемственность в философии и на её, пока ещё, бессмертие.

В статье многое затронуло. Показалось интересным рассуждение о банальном и оригинальном в философии. Автор разграничивает сферы банально-рутинного и оригинально-творческого в философском знании, обращает внимание на тонкий и трудно уловимый момент появления новых смыслов. В процессе возникновения нового знания, нового видения мира есть множество состояний, трудно выразимых посредством слова. И автор предлагает метафорическое описание философского творчества, метафору как способ фиксации момента смыслопорождения и его концептуального закрепления. Для этого он изобретает метафорический ряд для обозначения состояний духовного открытия, интеллектуального прозрения, обнаружения новизны на пересечении концептуальных полей. Так, в статье говорится о мыслителе-авантюристе, который осознавая собственное незнание и плюрализм мировоззрений и концепций, выявляет энергию интеллектуальных событий. Для этого, как пишет В.П. Макаренко, мыслитель-авантюрист рассматривает социальную и когнитивную реальность «под прицелом», имея в виду собственное отношение к происходящему.

В статье В.П. Макаренко рассматривается также вопрос, который всегда интересовал меня и который я часто задавала людям, профессионально причастным к философии: как и почему философия стала твоей жизнью и профессией? Ответ на вопрос я искала и в книжках, в том числе древних, и, с этой точки зрения когда-то прочитала Диогена Лаэртского „О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов“. Здесь же из Диогена можно извлечь следующее. В философию приходят те, кому интересна мудрость, кто пережил некое жизненное потрясение, кто не стяжатель, кто духовно аристократичен, кто верит, что философия ответит на все вопросы бытия, кто верит в открытые им истины и готов их распространять и пропагандировать, кто странен для обывателя, экстравагантен, необычен. Ну и наконец, философ не может быть человеконенавистником, так как тогда он не сможет учить.

Философу свойственно рефлексировать по поводу своих философских занятий и современный автор В.П. Макаренко описывает свой личный опыт становления в профессии, называя этот опыт философской жизнью, а поскольку автор — теоретик, то для анализа философской жизни он предлагает использовать „концепт собственного образа философии“. Это некое высказывание философа о самом себе, которое может быть предметом дискуссии в силу дискуссионной природы философии.

Предлагая собственный образ философии, автор статьи обращает внимание читателя на следующие моменты. Кто в 70-е годы XX века, когда В.П. Макаренко был студентом-философом, поступал на философский факультет? Автор статьи полагает, что это были люди, которые не хотели как-то просто устраиваться в жизни и верили, что философия может разрешить все познавательные и экзистенциальные вопросы. Здесь автор обращает внимание на присутствии философской веры. Человек имеет веру в философию и поступает на философский факультет. Хочется заметить, что это и сейчас так. Но в те годы, когда учился Виктор Павлович, философское образование, помимо удовлетворения чистого интереса к философии, давало право на государственную и партийную службу и на философском факультете училось много взрослых уже молодых людей, которые отслужили армию, закончили какой-либо техникум, вступили в партию и были озабочены партийной или государственной карьерой.

В.П. Макаренко обращает внимание на множество важных моментов в процессе становления философа. Это освоение философии как сферы свободной дискуссии, это столкновение между свободной дискуссией и верой в интеллектуальные и психологические авторитеты.

Психологическая мотивация для профессионального занятия философией, по В.П. Макаренко, является осознанием собственного посланничества и вера в то, что моими устами говорит Бог. (Заметим, что в это верил Гегель и все великие системосозидатели).

В статье ещё много интересного и заслуживающего внимания, поэтому, завершая разговор о ней, можно лишь пожелать её будущему читателю большого интеллектуального удовольствия».

Доктор философских наук, профессор *Э.И. Колчинский* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН) сказал:

«Мне представляется весьма интересной и актуальной попытка В.А. Шкуратова соединить две науки о человеке — историю и психологию на базе трехмодальной структуры времени. Такой подход позволяет синтезировать большую историю человечества с малой историей индивида, прокладывая путь к созданию единой картины прошлого, настоящего и будущего. Реализовать этот замысел не просто. На мой взгляд, ключевым моментом должно стать изучение пресловутого «духа эпохи», а точнее психологии поколений. На собственном опыте мне не раз приходилось убеждаться, что в научных дискуссиях о прошлых событиях из истории науки, в том числе и в нашей стране, легче найти общий язык со сверстником из США, Японии, Германии и т. д., чем с соотечественником другого возраста. При этом надо учесть, что собеседниками во всех случаях были представители научного сообщества, достаточно космополитичного по своему составу и помнящего еще об этосе и ценностях Республики Учёных. Этот разрыв в методологии и оценках между поколениями ученых в значительной степени объясняется тем, что, несмотря на все языковые, социально-политические, идеологические и культурные различия, учёные одного поколения переживали общие глобальные события. Они читали примерно одни и те же книги, газеты, смотрели одни и те же фильмы, помнят фамилии одних и тех же политических деятелей. Общие события нередко порождали сходные реакции и переживания, приучали одинаковым образом оценивать внешнюю и скрытую сторону событий. Все это в конечном счете обуславливает некое единое мировоззренческое и психоэмоциональное поле со сходными надеждами, планами, оценками. Этот феномен я предложил назвать „эффектом поколения“.

По поводу статьи В.П.Макаренко могу сказать, что с автором мы ровесники, но учились в разных городах и становились философами, если ими можно стать, в разных социально-исторических условиях. Скорее, это было приобщение к философии как к чему-то загадочному, так и оставшемуся для меня непонятным, несмотря на всякие степени и звания. У меня это приобщение состоялось на дневном отделении философского факультета Ленинградского

университета в 1964–1969 гг., а у автора в 1968–1972 гг., на вечернем отделении в Ростовском университете. Вроде, все происходило в СССР. Но он начал учиться более зрелым человеком и в Ростове, — городе, где в 1949 г. арестовали Л.О. Резникова, у которого я впоследствии учил гносеологию в ЛГУ. Философов арестовывали, конечно, и в Ленинграде, но с началом оттепели их принимали обратно на работу, как взяли и Резника в 1955 г. А в Ростове ему отказали в восстановлении после освобождения, хотя философов такого уровня, наверное, в Ростове было меньше, чем в Ленинграде. В целом это пошло на пользу и Резнику, и Ленинграду, где он и его ученица М.С. Козлова сумели создать современную школу по эпистемологии. М.К. Козлова много сделала для приобщения отечественной философии к мировой даже в условиях развитого социализма.

Философ всегда оперирует максимально общими понятиями, будучи уверен, что его устами глаголет истина, но истина всегда конкретна, отличаясь порой деталями, а в них и скрывается дьявол. Конкретен и опыт каждого, избравшего философию своей профессией, как конкретен его опыт приобщения к ней. Он отличен даже у каждого из моих друзей, встретившихся осенью 1964 г., но разошедшихся по разным кафедрам уже весной 1966 г. Поступая на философский факультет, мы все имели весьма смутное представление о будущей профессии, и ее образ формировался у меня, преломляясь через сугубо мой внутренний мир, который предопределял мое личное восприятие социальной среды, тем более отличное от тех, кто был в другом временном и пространственном измерении. Это сейчас кажется, что история философии в СССР делится на два-три периода. На самом деле, порой буквально одно событие, типа ввода войск Варшавского договора в Чехословакию, коренным образом меняла все социально-политическую и идеологическую обстановку и прямо сказывалось на философском мире.

Да и путь наш с автором в философию, а затем и в философии был отличен. Тем не менее, познакомившись с ним в 2007 г., мы сразу заговорили на одном, понятном обоим языке, поскольку в молодости переживали одни и те же события, читали одни и те же книги, смотрели одни и те же фильмы. Иначе говоря, мы с ним люди одного и того же психо-эмоционального и интеллектуального пространства, а к тому же еще и близки в научных интересах, так как со временем я приобрел вкус к социальной истории науки, а это уже близко к политологии — сфере интересов Виктора Павловича. Поэтому статья Макаренко, написанная в его обычной, несколько провокационной манере, не может оставить равнодушной никого, кто причисляет себя к философскому цеху. В какой-то степени к нему принадлежу и я, хотя последние десятилетия считаю себя историком науки, но от своего прошлого никогда не отрекался и во многом благодарен судьбе, что базовое образование получал на философском факультете. Его особенность заключалась в том, что студент в значительной степени был представлен сам себе. Желаящий мог многому научиться, но самостоятельно, а на нежелающего никто особого внимания не обращал. Общаясь со студентами разных факультетов, я могу твердо сказать, что философский факультет ЛГУ представлял максимально возможное в то время право на свободомыслие и поиск собственного пути.

Статья В.П. Макаренко, хотя она не велика по объему, но очень емка по обилию поднятых вопросов. Большинство из них не имеет ответов, как вообще не имеют ответов, особенно окончательных, вопросы, которые еще остаются в введении философии. К моему удивлению, их число не уменьшается, хотя от философии отпочковываются все новые и новые дисциплины. Да и сама она представляет сложно дифференцированную область интеллектуальной деятельности, по которой, вопреки всякой логике, присваивают звания кандидатов и докторов наук, хотя всем ясна принципиальная разница между философией как любовью к мудрости, стремлением к мудрости, самой мудростью и т. д. (с чем, правда, никогда не соглашались не-философы), и наукой как знанием. Об этом ещё писал Гераклит, а в марксистской философии

подобное отличие было закреплено в учении о различных формах общественного сознания. Это противоречие мы хорошо понимали в студенческие годы, и, разочаровавшись уже ко второму курсу в очередной единственно истинной философии, в порыве самоуничужения и самоиронии определяли выбранную нами специальность следующим образом: „Метод ее блудословие, а предмет словоблудие“. Только начавшаяся специализация примирила нас с будущей профессией, дав ощущение обладателей знания, неведомого остальным. И здесь большинство философов возвращаются в сферу обычной науки. Ведь многие ее отрасли, особенно логика и история философии, имеют все признаки обычного знания и позволяют избравшим их в качестве профессии чувствовать себя профессионалами в конкретных областях знания. Особенно преуспели в этом специализирующиеся в области философских проблем естествознания, хотя именно эта область сошла на нет в новой России, что не пошло на пользу ни философии, ни естественным наукам.

Мне представляется чрезвычайно интересной саморефлексия Виктора Павловича. Но было бы важно обсудить вопрос, насколько свободным было отречение огромного числа профессиональных мыслителей и идеологов от исповедуемых ими ранее взглядов и убеждений, происшедшее на грани 1980–1990-х гг. Чем объяснимо это тотальное ренегатство? Приспособленчеством, вьезшимся в плоть и в кровь отечественной мысли и готовностью служить Мамоне и Цезарю, а не Истине, как уверяют некие авторы воспоминаний о философских факультетах, или какими-то более сложными социально-психологическими причинами? Лично я склонен принять последнее, как сделал в своих мемуарах „Так вспоминается...“ (2014), где пришел к выводу, что уже в 1960-х гг. значительная часть советских философов отказалась от марксизма и, по сути дела, работала в рамках других философских систем. На мой взгляд, огромное воспитательное значение философии состоит в том, что она приучает к тому, что есть вопросы, на которые человечество вряд ли найдет когда-либо ответы, поэтому истина это не результат, а процесс. И это не позволяет философу смириться с консервацией — „концептуальной рутинной“ в терминологии Макаренко. Из-за отсутствия общепринятого знания философ, как никто другой, обязан придумывать все время что-то новое, порой не заботясь о его соотношении с реальностью, и чаще всего вопреки ей».

Макаренко В.П. 2016. Философская жизнь и концептуальная рутина. — *Вопросы философии*. — № 1.